

Иванова Татьяна

чтобы не повторилось

Скорбный этот день 30 октября - День памяти жертв политических репрессий. Скорбный для тех, кто сохранил свою родовую память, кто чтит своих предков, безвинно сгинувших в лагерях или в Сибирской ссылке. И для моей семьи этот день тоже день скорби. И, несмотря на то, что больше 80 лет минуло со страшной поры репрессий, сердце все равно кровоточит при одном воспоминании о том, что пришлось пережить нашим дедам и прадедам...

И чтобы такого больше не повторилось, в назидание и в память мой рассказ. Дед мой Сергей Степанович Шамраев был военфельдшером, а в 1914 году он демобилизовался и уехал в большое степное село Омской области. В те времена, в отличие от нынешних, труд медиков ценился довольно высоко и жалование царское он получал хорошее: больше 40 рублей, (для сравнения: корова стоила от 8 до 11). Но началась революция, следом Гражданская война, а за ней разруха, распределение по карточкам, и бывшее благополучие ушло. Семья разрасталась: в 1922 году с родины, с Кубани, где в то время лютовал голод, сбежал к сыну в Сибирь его пожилой отец с супругой. А еще через пару лет, овдовев, приехала и мать жены, моя прабабушка. Так и жили: двое работающих родителей, трое стариков, да пятеро детей. Дед был предан своей профессии до фанатизма и был медиком от бога: умел все: и зубы лечить, и гипс наложить, и роды принять, и сделать небольшую операцию. Вечерами вся его большая семья помогла отцу, как фармацевту: он отвешивал на крошечных весах порошки, отсыпал их на аккуратно разрезанную бумагу, а дети закручивали пакетики. Делал настойку йода, валерьянку, сложные порошки и пр. А. главное, был дед прекрасным диагностом: даже врачи из соседнего райцентра, а то из Омска нередко, дожидались когда приедет Сергей Степанович с отчетом и посмотрит их трудных больных. Да и сами они порой лечились у него, потому что знали: диагноз лучше Шамраева никто не поставит. Дед не был простым фельдшером: он окончил фельдшерскую школу, основанную ближайшими соратниками и учениками самого Пирогова, которая славилась на всю Россию, и потому к ним нередко приезжали с курсом лекций ведущие доктора из самого Питера, а потом он имел превосходную практику, работая несколько лет в военных госпиталях и лазаретах Владикавказа. Да и моя бабушка, супруга Сергея Степановича, закончила курсы акушерок и помогала мужу в его трудах, принимая роды у деревенских женщин. Причем,

зарплаты она не получала: не было такой единицы в штате сельской амбулатории, которой заведовал дед. Сможет кто отблагодарить за труды десятком яиц, кусочком маслица или сала, то и хорошо, не сможет, и ладно. Когда началась коллективизация, Сергей Степанович сдал в колхоз собственный дом, где была амбулатория, овечек, кур, и даже своего единственного коня, без которого ему стало крайне трудно посещать больных в соседних деревнях. Занятый день и ночь своими больными, дед был вынужден приглашать людей для помощи: на сенокос, на уборку картошки, на молотьбу. Потому что в его большой семье не было работников: малые дети да старики.

Когда был дан старт компании на раскулачивание, то мой дед был отнесен к числу кулаков. Вот выписка из справки исторического архива Омской области:

На основании постановления *общего собрания* членов сельхозартели «Красная Сибирь» Новоцарицынского сельского совета Борисовского района от 11. 05.1931 года хозяйство Шамраева Сергея Степановича отнесено к явно - кулацким «как эксплуатировавшим наёмный труд и за счет его расширивших свое хозяйство»! С позиций сегодняшнего дня не укладывается в голове, как могли односельчане отправить в ссылку своего единственного доктора и свою акушерку, людей, которые лечили их 16 лет! Чего тут было больше: строгой разрядки органов НКВД или элементарной зависти: Мой дед, украинец родом, тосковал в степном селе по садам и насадил вокруг своей усадьбы тополя да черемухи, а возле дома - вишни и яблоньки. В хорошую погоду семейство садилось за стол у себя в ограде в тени деревьев, что вызывало лютую зависть: «Ишь, बारे, у садку чаи распивают!». «Райпята»-была и такая наспех сколоченная форма репрессивного аппарата - также вынесла свое Постановление и деда признали кулаком и конфисковали у этого, разоренного коллективизацией «богатея»: « пшеницы – 80 кг (5 руб.), муки – 168 кг (11 руб.55 коп.), гардероб старый-1 (3 руб.), комод- 1(2 руб.), стулья- 5 (1 руб.50 коп.), стол - 1(1 рубль 50 коп), кадушка -2 (2 руб.), картофель- 400 кг (2 руб.05 коп), корова-1 (25 руб.), телка -1(5 руб.), сепаратор старый- 1 (10 руб.), подушки- 2 (2 руб.), шуба- 1 (10 руб.), кровать железная- 1 (3 руб.)».

И послали в Нарымскую ссылку, погрузив на баржи «Шамраева Сергея Степановича, жену Александру-38 лет, дочь Веру Сергеевну-15 лет (студентка Омск), дочь Таисию Сергеевну- 12 лет, дочь Еликамиду – 11 лет, дочь Надежду- 9 лет, сына Виктора -1 год.» При этом, «согласно описи на

выделенный натуральный фонд на каждое отдельно высылаемое хозяйство, Шамраеву Сергею Степановичу совместно с хозяйством также выселяемого односельчанина Витебского Ивана Алексеевича, был выделен сельхозинвентарь: скат колес или телег, топоров -1 шт. (50коп), киркомотыг- 1 шт. (50 коп), муки -72 кг (9 руб.), соли- 3,6 кг (20 коп)». Вот с какими орудиями труда ему предстояло осваивать вековую тайгу

Деду повезло: спасла профессия. Когда спецпереселенцев стали выгружать под открытое, сыпавшее ранним снегом небо Нарыма, к нему прибежали за помощью: разболелась жена коменданта. Так он оказался востребованным в профессии и потому определили его семейство деда в уютный домишко, назначили фельдшером и даже положили жалование.

Потом еще много раз перебрасывали из поселка в поселок, где лютовали коменданты Сиблага, но удивительная доброта и врачебный талант деда помогали ему выживать. Мама моя, старшая дочь в семье Шамраевых, в период высылки училась в Омске. Но закончить образование ей не удалось: она же была дочерью «чуждого классового элемента», пораженца в правах. И директор медтехникума, человек безусловно порядочный, посоветовал ей самой подать заявление на отчисление, пока не дознались органы, которые потребовали бы выгнать ее с «волчьим билетом», то есть с записью в документах - клеймом на всю жизнь. Он оформил ей справку об окончании 2 курсов техникума, что давало ей право на работу медсестры. И поехала моя юная, 16- летняя мама конечно же, к папе и маме, в Нарым. Но определили ее на работу «по соседству» от родителей, всего-то в 200 км. вниз по Оби...

К морозам не успели отстроиться. Не хватало было ни пил, ни топоров. Спецпереселенцы- или «кулаки» жили в землянках, в наспех поставлены бараках. По 20-30, по 100 семей. Вот что вспоминает моя мама: «стены глиной обмазывали, спали на нарах. Перегородки –тряпки, рядом. Дикий голод был, полное отсутствие витаминов. При этом- тяжелая работа на лесоповале, на пихтовом заводе. Был даже случай людоедства. Люди умирали повально. Все цингой болели. Это очень тяжелая болезнь, когда чернело тело, распухали суставы, а зубы выпадали как костяшки домино, один за другим. Но весной выросла колба (черемша). Она-то и спасла выживших. Самых тяжелых больных в телегу накладывали и везли на поле, где растет колба. Они ползали по нему, и как звери рвали колбу, потому что руки не слушались. Их оставляли там ночевать. Назавтра люди уже начинали двигать руками, садиться, а через несколько дней передвигаться и добираться до дому на своих ногах! Настолько сильное это лекарство. Природа лечила:

ведь лекарств в Сиблаге было мало. Нищета, не то что папина амбулатория в Новоцарицино, которая была оснащена по царским столыпинским указам. Следом за цингой пришел брюшной тиф, потом сыпной. И опять смерти, смерти. Молодые здоровые мужики и бабы, детишки, умирали один за другим. Но прошло время, кто уцелел, тот отстроился, завел огороды, пашни, кур, а то и коровенок». Ведь в ссылку пошли самые работающие и самые деятельные и предприимчивые люди. Однако, на этом испытания не заканчивались. Самое тяжелое- быть человеком второго сорта, лишенцем, пораженным в гражданских правах.

В 1934 году моя мама вышла замуж за директора школы - человека свободного, или как говорили тогда, вольнонаемного. И досталось же тут моему отцу за то, что женился на кулачке! Его клеймили позором за то, что связался с чуждым элементом. Несколько раз в комендатуре созывалось комсомольское собрание по персональному делу моего отца, где от него требовали отказаться от жены -кулачки, не бросать тень на чистоту комсомольских рядов. Последнее собрание ставило вопрос ребром: или ты расходишься, или исключаем тебя из комсомола. Это означало автоматическое лишение работы по воспитанию подрастающего поколения. И тогда отец сказал, что его жена прервала связь с родителями - кулаками. До самой смерти своей мама с горечью вспоминала случай, как тешились ОГПУшники, когда молодая семейная пара отправилась в отпуск. Их парходик плыл мимо родительского села. Отец с матерью стояли на берегу, ожидая дочь, а она все не выходила из своей каюты. Зато высыпали из своих кают комендатурские служаки, наблюдая за событиями. Все эти мерзавцы лечились у деда, их жены рожали у бабушки, они лицемерно пожимали докторам руки, разговаривали о том, о сем, и смотрели, а не выйдет кулацкая дочка к родителям? Им вовсе не была нужна скромная медсестра, им важно было прижать моего отца, очень авторитетного в округе человека, прижать через самое дорогое - через семью, через любовь. А мой отец не взирая ни на что сошел на берег, на глазах у этих негодяев поздоровался с родителями жены, и объяснил вполголоса, почему Вера не выйдет. Бабушка тихо плакала на берегу, в каюте тихо плакала моя мама. Когда парходик дал гудок, и комендатура ушла обедать, мама вышла и помахала отдалившимся фигурам родителей рукой...

В 1941 году деда моего ждало новое испытание: его, спасшего тысячи жизней людей, обвинили во вредительстве в период эпидемии кори и отправили в тюрьму. Я все думаю: в какие игры играли эти гнусные люди, что за радость находили в несчастье других? Уже гремела война, уже немцы

стояли под Москвой, страна вся была нацелена на борьбу с врагом, а эти сидели в глубоком тылу и стряпали дела. Бабушка не пережила этого испытания. Она умерла в феврале 1942 года, оставив сиротой 13-летнего сына. Ей едва исполнилось 50 лет... Когда дед вернулся из тюрьмы, его ожидала и эта горькая новость, и эта безмерная утрата... Ведь все эти трудные годы они жили поддержкой друг друга. Дед не на долго пережил бабушку - он умер 5 лет спустя от воспаления легких, в возрасте 63 лет. Умер на подводе по пути в больницу, до которой в лютый мороз надо было добираться многие десятки верст. Ему, спасшему тысячи жизней, некому было помочь...

Совсем недавно я побывала в Новоцарицино, в том самом селе, где трудился дед и откуда он был сослан в Сибирь. Я ходила по широким улицам, нашла усадьбу, где когда-то стояла сельская амбулатория, и где жила моя семья, поклонилась этой земле и взяла ее горстку, чтобы принести на мамину могилу. А потом две замечательные женщины - директор школы и директор школьного музея повели меня к бодрому, перешагнувшему 90-летний рубеж старожилу, Илье Ефимовиче Белоусову.

-Вот, знакомьтесь, это внучка одного нашего доктора, который когда-то тут работал.

Илья Ефимович сразу резко вскинулся и даже грубовато ответил: «Какого такого доктора? Тут был один доктор -Шамраев! А после него никто рядом не стоял! Я у него еще пацаном дважды лечился. Вот это был человек! Хоть у кого спросите!» Я благодарно обнялась с ним, как с родным за память о деде, за добрые слова о нем.

После смерти родителей в Нарыме еще долго жили младшие дети Шамраевых. Потом все разъехались, и в Томской области осталась работать учительницей лишь одна из дочерей - Таисия. Но и она потом перебралась в город Колпашево, была награждена орденом «Знак почета», медаль «За трудовую доблесть». Но до самого выхода на пенсию в 60-х годах она не получала «северных» - надбавки к зарплате, как все остальные - ведь она была человеком второго сорта - спецпереселенцем!

История моей семьи далеко не самая тяжелая. Не было, слава богу, застенков и пыток, не было расстрела, не было мыкания по чужим углам, тотального голода и безработицы. Но и того что было, хватило, чтобы переживать и сострадать, чтобы скорбеть об изломанных жизнях, чтобы страстно желать, чтобы подобное не повторилось...

Татъяна Иванова (г. Новосибирск)